

Кристина Ковальская

Sonja Luehrmann. Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic. Bloomington: Indiana University Press, 2011. 292 pp. ISBN: 978-0-253-22355-5.

Kristina Kovalskaya. Address for correspondence: EPHE, 4-14, rue Ferrus, 75014, Paris, France. kristina.kovalskaya@gmail.com.

В первой половине 2000-х годов в социологический анализ религиозного бума постсоветской России вошло понятие десекуляризации, под которым подразумевалось усиление роли религиозных организаций (в первую очередь Русской православной церкви) в политическом пространстве на фоне роста количества верующих с начала 1990-х годов (Карпов 2010). При этом советский период имплицитно противопоставлялся современному и воспринимался как секулярный. Антрополог религии Соня Люрман также прибегает к этой оппозиции в одной из своих статей (Luehrmann 2005). Однако ее последняя книга «Секуляризм в советском стиле: преподавание атеизма и религии в одной приволжской республике» является исследованием о преемственности советского и постсоветского периодов в сфере атеизма и религии и тем самым ставит под сомнение применимость понятия десекуляризации к настоящему времени. Структурное сходство между советской «светскостью» и постсоветской религиозностью все чаще отмечается социологами и антропологами (Agadjanian 2012). Некоторые из них прямо сопоставляют влияние Русской православной церкви в политической жизни в России с идеологическим вмешательством советской администрации в религию (Rousselet 2013).

Цель исследования Сони Люрман – сравнить методы продвижения атеистических и религиозных идей в советский и постсоветский периоды соответственно. Хотя преподавание религии по своему содержанию прямо противоположно атеистической пропаганде, по мнению автора, между ними существует сходство в том, что касается аудитории и используемых методов работы.

Книга начинается обширным введением, в котором автор описывает исторический и современный контекст, обосновывает географические рамки исследования. В поликонфессиональной республике Марий Эл пересекаются православие, несколько протестанских течений и «Чимарий йўла» – марийская традиционная религия (синтез неоязычества с православным христианством). Вместе с этим автор ставит под сомнение секулярность советского периода, поскольку советская реальность основана на ритуале, что сближает ее с религиозными сообществами. Однако Соня Люрман отказывается от интерпретации этого сходства как простого замещения религиозного на светское. Взамен она предлагает использовать веберовский термин «избирательное сродство» (*elective affinity*), который характеризует сближение между двумя сферами, сохраняющими свою независимость и полноценность. Таким образом, согласно идее Люрман, атеизм и религия сопрягаются, но никак не являются взаимозаменяемыми.

Первая часть, «Сходства», повествует о процессе секуляризации региона в советский период. Поскольку одним из важнейших компонентов коммунистического образования являлось атеистическое воспитание, Люрман сначала анализирует формирование профессиональной сети советских педагогов, которые использовали в своей работе элементы научного атеизма. Затем она показывает, что современные религиозные лидеры, которые в прошлом участвовали в атеистической пропаганде, неодинаково оценивают этот опыт: православные священники критически относятся к нему, в то время как протестанты и неоязычники эксплицитно выражают его методологическую ценность.

Вторая часть, «Обещания», анализирует сходства между атеистическими лекциями и постсоветскими проповедями, уделяя особое внимание преемственности между педагогами и религиозными лидерами, которая лежит в основе формирования профессиональных сетей. Впрочем, между методами позднесоветской пропаганды и преподаванием религии наблюдаются и противоречия, которые рассматриваются в третьей части книги («Изломы»). Это относится, в частности, к трактовке абстрактных понятий (таких как «дух», «душа», «духовность»). Различия в этом случае наблюдаются не только между советскими и религиозными педагогами, но также и между православными и местными протестантами харизматического толка – христианами веры евангельской. Последняя часть книги («Ритмы») обобщает исследование дидактических практик на примере биографий людей, которые имели отношение и к атеистической пропаганде, и к религиозной деятельности.

Стиль книги – это одновременно и ее достоинство, и ее недостаток. Текст и заголовки метафоричны, что придает образность и оригинальность, но не всегда четко отражают содержание глав. Метафоричность накладывает отпечаток и на логику изложения, которая строится скорее на ассоциативном, чем на хронологическом или тематическом принципе. Например, одна из глав начинается подробным пересказом сна священника и его интерпретацией. Подобные «примеры» нередко уводят читателя в сторону от научного анализа.

Методология опирается на подробный качественный анализ относительно немногочисленных источников (интервью, документов из местных архивов и антропологических наблюдений) и на ограниченное использование количественных методов. Текст насыщен теоретическими обобщениями и параллелями из работ европейских философов. Однако ссылки объединены в эклектичный список литературы, в котором аналитические статьи соседствуют с источниками – советскими руководствами по атеизму и трудами православных теологов.

В результате выводы автора вызывают множество вопросов. Так, участие тех или иных педагогов в атеистической пропаганде оказывается допущением, сделанным на основании их принадлежности к «кругам», которые занимались продвижением атеистических идей. Наблюдается также определенная асимметрия в анализе различных религий. Когда же автор описывает сходства между пропагандой атеизма и преподаванием религии, возникает сомнение в том, что их общие методы изначально были выработаны советской антирелигиозной пропагандой. Не являются ли эти методы универсальным способом продвижения какой-либо

идеи через дидактику? Возможно, ясность могло бы внести большее внимание автора к участию государства в продвижении как атеизма, так и религии, и к связи образования с политическими процессами в постсоветской России.

Вместе с тем, книга Сони Люрман выдвигает на первый план сходства между советским и постсоветским периодом в отношении светскости и религии. В этом состоит главный вклад автора в осмысление процессов в современной России в целом, несмотря на то что книга основана на полевой работе только в одном регионе. С помощью детальной проработки биографий и анализа профессиональных сетей исследование Люрман отлично иллюстрирует на микроуровне глобальные процессы, происходящие в религиозной жизни России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Agadjanian, Alexander. 2012. "Russia's 'Cursed Issues', Post-Soviet Religion, and the Endurance of Secular Modernity." Pp. 79–96 in *Multiple Modernities and Post-Secular Societies*, edited by Massimo Rosati and Kristina Stoeckl. Farnham, UK: Ashgate.
- Karпов, Vyacheslav. 2010. "Desecularization: A Conceptual Framework." *Journal of Church and State* 52(2):232–270.
- Luehrmann, Sonja. 2005. "Recycling Cultural Construction: Desecularisation in Postsoviet Mari El." *Religion, State & Society* 33(1):35–56.
- Rousselet, Kathy. 2013. "Sécularisation et orthodoxie dans la Russie contemporaine: Pour une hypothèse continuiste?" Centre d'études et de recherches internationales, Sciences Po, Questions de recherche 42, May. Retrieved January 3, 2014 (<http://www.sciencespo.fr/ceri/sites/sciencespo.fr.ceri/files/qdr42.pdf>).